

Т. М. Халецкая

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
правового обеспечения экономической деятельности
Института управленческих кадров Академии управления
при Президенте Республики Беларусь

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СУПРУЖЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Аннотация. В белорусском законодательстве в качестве общего правила закреплен режим общности супружеского имущества. В науке семейного права дискуссия о том, какой из режимов супружеской собственности является оптимальным, хоть и с разной интенсивностью, но велась постоянно. На современном этапе интерес к данному вопросу возрос, и сейчас все чаще можно встретить негативную оценку выбора законодателем общности супружеской собственности в качестве универсального правила. Для того чтобы оценить плюсы или минусы какого-либо современного явления, важно посмотреть, как оно появилось, что лежало в основе сделанного законодателем выбора и к чему этот выбор привел. Анализу эволюции правового регулирования отношений супружеской собственности на территории Беларуси посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: брак, супруги, общая совместная собственность супругов, правовой режим.

Введение. В законодательстве различных стран вопрос о принадлежности супругам (или одному из них) того или иного имущества на праве собственности решается по-разному. Например, французская модель предполагает, что общим имуществом супругов является все недвижимое имущество, приобретенное супругами в период брака, также все движимое имущество, которым владели супруги как до, так и после заключения брака, а равно и все доходы, плоды, проценты и рентные платежи, доставшиеся или извлеченные из имущества. Подобная модель общности супружеского имущества закреплена не только в законодательстве Франции, но и в законодательстве Испании, Италии и Швейцарии. Полной противоположностью данной модели является модель раздельности супружеской собственности. Именно такого подхода с 1882 г. придерживается английский законодатель (позднее этот же подход был воспринят законодательством

большинства штатов США). Опираясь именно на эту модель, но трансформировав ее, немецкий законодатель закрепил так называемый режим условной общности имущества супругов, или режим общности прироста. Данный режим предполагает, что в случае расторжения брака каждый из супругов имеет право на получение половины от стоимости прироста имущества (то есть разницы между стоимостью имущества на момент заключения брака и на момент его расторжения) [1; 2].

Третья модель объединяет в себе черты указанных двух и базируется на следующей идее: все имущество супругов в период брака признается их раздельной собственностью, а в случае расторжения брака все имущество объединяется и делится между супругами на две равные части (подобная модель используется в Скандинавских странах: Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Исландии).

Пример еще одной модели регулирования отношений собственности между супругами закреплён в законодательстве Ирана, где нет понятия общности или раздельности супружеской собственности, поскольку единственной формой защиты имущества супругов признается договорная [3, с. 434].

Отечественное законодательство пошло по пути закрепления режима общности супружеского имущества в качестве общего правила, предоставив супругам возможность изменить это правило своим соглашением.

Надо отметить, что в науке семейного права дискуссия о том, какой из режимов является оптимальным, хоть и с разной интенсивностью, но велась постоянно. На современном этапе интерес к данному вопросу возрос. И сейчас все чаще можно встретить негативную оценку выбора законодателем общности супружеской собственности в качестве универсального правила. Для того чтобы оценить плюсы или минусы какого-либо современного явления, важно посмотреть, как оно появилось, что лежало в основе сделанного законодателем выбора и к чему этот выбор привел.

Основная часть. Достоверно узнать о том, каким образом решались вопросы собственности до появления первых источников писаного права, невозможно. Хотя некоторые исследователи, отмечая трудность установления того, была ли в древнейший период истории «общность имущества супругов», утверждают, что вплоть до XVI в. «ни о каких иму-

ществленных правах жены не могло быть и речи» [4, с. 49]. Этот вывод делается исходя из того обстоятельства, что у многих славянских племен господствующей формой брака было похищение. И хотя данный вывод трудно подтвердить или опровергнуть, он представляется несколько надуманным, сделанным в контексте модной сейчас темы гендерного равенства, в рамках которой активно продвигается идея об «угнетенном» положении женщины в семье и ее вечной борьбе за предоставление равных с мужчиной прав [5, с. 37–44]. Письменные источники права как раз свидетельствуют о том, что интересы женщины в семье защищались. Так, в Привилее великого князя Литовского Александра 1492 г. указывалось, что вдова оставалась на «на добрах або пасєсіях свайго мужа, пакуль сядзіць удавой. А калі яна пажадала б узяць шлюб у другі раз, то яна выдаецца замуж; на добрах жа і пасєсіях бацькаўскіх застаўляюцца дзеці, калі яны будуць <... >. Калі ж першы муж вызначыў на пэўных добрах і сваіх пасєсіях некаторы прывенак гэтай сваей жонцы і яна здолела дастаткова падмацаваць гэта, то паводле парадку права, узяўшы гэта, няхай аддае, з богам, каму пажадае» [6].

Дальнейшее регулирование имущественных отношений между супругами осуществлялось статутами ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. Полагаем, что для характеристики имущественных отношений супругов в период действия статутов не совсем корректно применять современные правовые категории, такие как общность или раздельность супружеского имущества. Тем не менее анализ положений статутов позволяет сделать вывод о том, что, начиная с первого Статута, отношения супружеской собственности развивались по модели раздельности имущества мужа и жены. Уже Статут 1529 г. предусматривал передачу мужем жене вено (разд. 4 арт. 1) [7], которое оставалось у нее и после смерти мужа (разд. 4 арт. 1, 2) [8]. В арт. 1 разд. 4 предусматривалась и передача приданого: «А však же ести бы хто с подданных наших хотел дочку свою дати за кого и за нею мел дати которую суму пенезей, тогда первой мает смотрети ести бы того зятя его сто́яла третья часть имени совитое сумы пенезей, на чом мел бы венovati дочку его. Пакли бы третья часть имени его тое сумы пенязей совито не стояла, тогда он, нехай, купивши за тые пенязи имене и потом дочке своей, зятю своему дал,

а он дочки его веновати не будет на чом мети, таковый пенязи трятит» [7].

В статутах 1566 и 1588 г. речь шла о сохранении каждым из супругов прав на определенное имущество. Так, еще до брака отец, мать, братья или иные близкие должны были следить за тем, чтобы треть имения будущего зятя «ўдвая каштаваць магла супраць пасагу той дзеўкі» [9, с. 111]. В противном случае отец невесты либо тот, кто выдает ее замуж, «павінен за тую суму грошай, якія б ей хацеў даць, куіць маентак і по той дзеўцы зяцю даць, а зяць, аднак, жонцы сваей за тое, што асобна ўзяў суму якую, павінен аформіць на трэцяй частцы маентка свайго ўласнага» [9, с. 111]. Тем же именем, которое приобрел отец, брат или иной близкий, выдававший невесту замуж супруги, «павінны сумесна карыстацца па смерці мужа» [9, с. 111]. После же смерти мужа этим именем жена «як сваім уласным павінна валодаць разам з венам сваім, тым свабодна распараджаючыся, як сваёй уласнасцю» (разд. 5 арт. 2 Статута 1566 г. [10]; арт. 2 разд. 5 Статута 1588 г. [9, с. 115]). Оба статута содержали правила распределения имущества между супругами на случай развода. Если развод осуществлялся по уважительной причине («з-за кроўнасці, або па іншых прычынах, якія б перед правам духоўным паказалі»), то муж и жена оставались каждый при своем имуществе: «пры разводзе прывенак пры мужу, а пасаг пры жонцы павінен застацца» [9, с. 115] (арт. 18 разд. 5 Статута 1566 г. [11]; арт. 20 Статута 1588 г. [9, с. 115]).

Таким образом, в период действия статутов в основе регулирования отношений супружеской собственности лежала идея сохранения имущества каждого из супругов. Справедливости ради следует отметить, что все указанные положения статутов распространялись на случаи, когда женщина вступала в брак с приданым, а мужчина имел имущество, которое записывалось в качестве вена. Статут 1588 г. уже содержал правила, определяющие имущественные отношения между мужчиной и женщиной, не имевших имущества на момент вступления в брак. В арт. 21 разд. 5 Статута 1588 г. указывалось, что в случае, если мужчина «якога-небудзь стану, не маючы ніякай маемасці сваей», брал

в жены женщину, «за якої таксама нічога не ўзяў», а впоследствии они вместе «зарабілі або заслужылі маёмасць добрую», то супруг мог распорядиться таким имуществом «па запісе або тэстаментам». Если он этого не делал, то при наличии детей вдове оставалась только треть такого имущества; при отсутствии же детей все имущество переходило вдове. Это же правило применялось и в отношении жены, умершей раньше мужа [9, с. 115–116]. В этом случае, по утверждению Н. В. Копытковой, имела место общность имущества супругов [4, с. 50]. Повторимся, рассмотрение имущественной сферы жизни супругов через современные категории вряд ли возможно. Полагаем, для общества периода действия статутного права род, семья имели огромное значение и воспринимались как отдельный, самостоятельный субъект. Именно поэтому имущество, накопленное в семье, должно было в ней же и остаться. Отсюда и правила о судьбе приданого, и вена в случае прекращения брака по каким-либо причинам, и правила о судьбе имущества в бедных семьях.

Статут ВКЛ 1588 г. оставался источником права на белорусских землях до 1840 г., то есть даже после вхождения восточных и западных земель Беларуси в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой в 1772 и 1795 гг.

Дальнейшее развитие правового регулирования отношений супружеской собственности шло по пути закрепления правил о разделности супружеского имущества. Именно такая идея была положена в основу Свода законов Российской империи, работа над которым началась в 1826 г. В ст. 109 тома X, отд. 2 закреплялось следующее: «Бракомъ не составляется общаго владѣнія въ имуществѣ супруговъ; каждый изъ нихъ можетъ имѣть и вновь приобрѣтать отдѣльную свою собственность» [12].

Понимание того, насколько эффективным было это правило, возможно посредством изучения оценок, даваемых ему современниками Свода законов. На рубеже XIX–XX вв. Г. Ф. Шершеневич писал: «Браком не составляет общение имущества супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную собственность... Из принципа разделности имущества вытекает возможность для каждого супруга распорядиться своим имуществом прямо от своего

имени, независимо друг от друга и не спрашивая на то взаимного дозволения. Отсюда же следует, что, как самостоятельные субъекты, супруги могут вступать между собой во всевозможные сделки дарственного и возмездного свойства. Один супруг не отвечает своим имуществом за долги другого» [13, с. 278–279].

Известный цивилист Д. И. Мейер, живший в период действия Свода законов, провел всесторонний анализ как самого правила, закрепленного в ст. 109 Свода законов, так и целей его закрепления. Ученый отмечал: «Нет, собственно, никаких имущественных отношений между супругами... они также чужды друг другу по имуществу, как лица совершенно посторонние» [14, с. 731]. Рассуждая далее, Д. И. Мейер отмечает, что супруги, тем не менее, сообща пользуются имуществом, не считая его раздельным, и зачастую говорят не «мой дом», «мои деньги», а «наш дом», «наши деньги». Это вызывает логичный вопрос: «Откуда же разлад между определениями законодательства о совершенном разъединении имущественных прав супругов и понятиями относительно этого предмета, господствующими в действительности?» [14, с. 731]. Если брак отвечает своей идее, то есть представляет собой «единение супругов духом и плотью», то столкновений относительно имущественных интересов между супругами не возникает, «супруги считают свое имущество общим и сообща употребляют его на удовлетворение потребностей» [14, с. 732]. Но, к сожалению, как верно отмечает Д. И. Мейер, идея брака на деле не всегда осуществляется: муж может предаваться кутежу или пускаться в разные аферы, проматывая этим как свое состояние, так и состояние супруги; жена может, «увлекаясь требованиями моды, роскоши», разорять своего мужа. Поскольку такие отношения между супругами нередки, то «разъединение имущественных прав супругов оказывается благодеянием со стороны законодательства» [14, с. 732]. Законодательного разъединения имущества супругов, таким образом, на деле не существует, и оно никак не препятствует супругам вместе пользоваться и распоряжаться имуществом, но «когда идея брака попирается в действительности, то, конечно, определения законодательства о разъединении имущества супругов получают

применение – да и слава Богу, что получают!» [14, с. 733]. Именно желание защитить каждого из супругов Д. И. Мейер называл причиной, «побуждающей законодателя сохранить начало разъединения имущественных прав» [14, с. 733]. Вместе с тем, отмечал ученый, «нет никакого законного препятствия супругам заключить брачный договор, по которому все имущество супругов считалось бы общим» [14, с. 733].

Принцип раздельности супружеского имущества был закреплен и в послереволюционном законодательстве. Так, в Кодексе законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве 1918 г. в ст. 105 указывалось: «Брак не создает общности имущества супругов». Советские ученые указывали, что раздельность имущества, закрепленная в указанном Кодексе, была принципиально иной, связанной «с личным раскрепощением жень» [15, с. 50], поскольку «впервые в истории» она освободилась «от господства над ней мужа» [15, с. 50]. При этом в советской литературе особо подчеркивалось, что принцип раздельности супружеского имущества необходим лишь в тот период, когда идет «революционная ломка старых устоев брака и семьи», создается и укрепляется новый тип семьи – «советская семья» [15, с. 150–151]; ранее действующее правило о раздельности супружеского имущества не соответствует «той общности жизни, интересов, стремлений, которая характеризует собой брак в социалистическом обществе» [16, с. 38]; правило общности имущества супругов подчинено выполнению одной из задач брачно-семейного законодательства – «построению в будущем семейных отношений на взаимных чувствах мужчины и женщины, свободных от материальных расчетов» [17, с. 97]. В этих заявлениях, полагаем, имела место попытка очернить все то, что было разрушено с приходом советской власти. «Советская семья» ничем принципиально не отличалась от семьи не советской. Это также были мужчина и женщина, вступающие в брак с целью совместного проживания, ведения общего быта, рождения и воспитания детей и т. п., и, как и в любой другой семье, в «советской семье» надежды, имевшиеся в момент вступления в брак, могли не оправдаться на практике. «Какими бы уникальными ни были отдельные семьи в разные эпохи, – отмечает Ф. С. Кан-

дыба, – при различиях в строе жизни и культуре взятые как первичные группы, они характеризуются одними и теми же свойствами своего возникновения и распада на протяжении их существования» [18, с. 92].

Тем не менее сначала советская судебная практика, а впоследствии и законодатель меняют правило о разделительности супружеского имущества на диаметрально противоположное правило общности супружеского имущества. Это правило объяснялось «необходимостью лучше обеспечить интересы женщины – домашней хозяйки» [19, с. 11], оно было призвано «поддержать и защитить слабейшую в браке сторону», каковой признавалась супруга, для которой правило о разделительности супружеского имущества влекло при расторжении брака несправедливые последствия, идущие «вразрез с основными задачами советского законодательства» [15, с. 151]. Это объяснение выглядит неправдоподобным в свете того, что ст. 106 Кодекса законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве 1918 г. защищала имущественные интересы обоих супругов, закрепляя то, что «соглашения между супругами, направленные к умалению имущественных прав жены или мужа, недействительны и не обязательны как для третьих лиц, так и для супругов, которым предоставляется в любой момент от их исполнения отказаться».

С введением в действие в 1927 г. Кодекса законов о браке, семье и опеке в ст. 21 закрепляется правило: «Имущество, нажитое супругами во время брака совместным трудом, считается принадлежащим обоим супругам на началах общей собственности в равных долях». Именно это правило и было позднее воспринято современным законодательством.

Оценивая сегодня столь радикальную смену законодательной позиции в отношении регулирования отношений супружеской собственности, мы не можем согласиться с тем, что в основе этих изменений лежало нежелание выхолащивать из этих отношений «элементы дружбы, товарищества», нежелание «сводить их к сложным бухгалтерским расчетам» [15, с. 154]. Объединение супружеского имущества скорее можно объяснить игнорированием института частной собственности, а также общим обнищанием населения и стрем-

лением на законодательном уровне сделать эту проблему менее острой. Еще одну причину произошедшего упрощения правового регулирования отношений супружеской собственности Л. Б. Максимович видит в общем уравнительном подходе к регулированию имущественного положения всех советских граждан [20, с. 3–5]. Справедливость данного замечания доказывает то обстоятельство, что советское законодательство не испытывало потребности в таком инструменте регулирования имущественных отношений супругов как брачный договор. Ситуация изменилась лишь в 90-х гг., когда начал происходить хоть и незначительный, но отказ от жесткого централизованного распределения и уравниательства в экономических отношениях.

Последствия нормативного закрепления общности супружеского имущества можно увидеть, проследив те изменения, которые произошли с институтом брака к настоящему времени. Не секрет, что институт брака, зародившись в далеком прошлом, долгое время был востребованным в большинстве известных нам обществ. Люди охотно вступали в браки, которые часто длились долго, прекращаясь смертью одного из супругов. С течением времени такое отношение к браку изменилось, и сегодня брак лишь с большой натяжкой можно охарактеризовать как пожизненный союз. В этом можно убедиться, изучив данные социологических опросов. В качестве примера приведем данные опроса об отношении россиян к бракам и разводам, проведенного в 2019 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения. Опрос показал, что для 17 % лиц в возрасте от 18 до 24 лет и 18 % лиц в возрасте от 25 до 34 лет регистрация брака не является обязательным условием создания семьи; 89 % опрошенных считают, что разводы допустимы, а в качестве причин развода называют сложности с разделом жилья и имущества (19 % опрошенных) и бедность (46 % опрошенных) [21]. Похожие результаты дал и опрос, проведенный Центром социологии культуры и социальной сферы Института социологии Национальной академии наук Беларуси в 2016 г. в рамках исследования «Образ семьи в массовом сознании жителей Беларуси»: в качестве причин развода опрошенные белорусы называли материальные проблемы (27,1 % опрошенных) и отсутствие

собственного жилья (13,4 % опрошенных) [22]. Полагаем, что к 2021 г. ситуация с отношением к разводам и их причинам среди белорусов не изменилась, а схожесть социальных и экономических условий жизни в России и Беларуси позволяет экстраполировать данные опроса россиян в 2019 г. на белорусскую действительность. Социологи уже не первый год отмечают наличие большого количества оснований полагать, что число зарегистрированных браков будет постоянно уменьшаться или, по крайней мере, не повысится [23, с. 76].

В целом приведенные цифры дают основания для вывода о том, что материальные условия семейной жизни являются важным фактором, влияющим на отношение к браку и разводу. Имущественные отношения, складывающиеся в браке, – это его основа. Какие бы причины ни побуждали мужчину и женщину вступить в брачный союз, его устойчивость во многом будет зависеть от стабильности быта, от уверенности в материальной обеспеченности будущего семьи. Согласимся с Ф. С. Кандыбой в том, что вряд ли следует рассуждать на предмет того, «что любовь и имущественные отношения – это разные типы браков („по любви“ и „по расчету“»)» [18, с. 94]; позволим себе утверждать, что вряд ли есть семьи, для которых материальная составляющая брака не была бы важна.

При этом на современном этапе очевидным является то обстоятельство, что размер вклада супругов в формирование имущества семьи может быть весьма различным, поскольку появление новых источников доходов, развитие частной собственности, расширение возможности осуществлять предпринимательскую деятельность повлекли и значительную дифференциацию доходов, получаемых населением. Следствием подобной ситуации зачастую становится возможным «шантаж» менее обеспеченным супругом того супруга, который может потерять значительную часть своих доходов в случае расторжения брака. В связи с этим важным аспектом в формировании имущественного благополучия семьи является обеспечение защиты не только права общей совместной собственности супругов, но и права собственности каждого из них.

Современному правовому регулированию имущественных отношений супругов, по мнению Е. А. Чефрановой, не хватает гибкости. Нормативные правила должны наиболее полно отражать фактически складывающиеся в современной семье отношения по поводу имущества, обеспечивать интересы не только семейной пары, но и каждого из супругов, в том числе стабильность гражданского оборота, способствовать развитию предпринимательства в целом и малого и среднего бизнеса в частности. Вряд ли можно утверждать, отмечает Е. А. Чефранова, «что действующее семейное законодательство в части законного режима имущества супругов вполне удовлетворяет этим требованиям» [24, с. 33].

К сожалению, современное законодательство, предусматривающее переход имущества, приобретенного в браке, в общую совместную собственность супругов, независимо от того, был ли у каждого из них самостоятельный доход, допускающее трансформацию собственности каждого из супругов в совместную собственность, не учитывает интересы отдельной личности в семье, что негативно отражается на институте брака в целом. Сегодня, по справедливому замечанию Ю. С. Степановой, значительная часть населения, «имея реальную возможность получения достойного дохода, предпочитают не вступать в зарегистрированный брак, сохраняя свою имущественную независимость и обособленность от лица, с которым пребывают в фактических брачных отношениях» [25, с. 226].

Заключение. Полагаем, что именно достижение баланса между интересами супругов-собственников позволит возродить в социуме интерес к официальному оформлению отношений между мужчиной и женщиной, устранил в сознании людей идею о том, что лучшей защитой от проблем является отказ от брака.

Список использованных источников

1. Основы гражданского и семейного законодательства ФРГ в контексте оформления брачных отношений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bonn.mid.ru/ru/consular-services/russia/zags/voprosy_zags/basics-of-civil-and-family-legislation. – Дата доступа: 09.08.2021.

2. Лебедева, М. Л. Институт брака Германии: специфика регламентации [Электронный ресурс] / М. Л. Лебедева // Вестн. Марийского гос. ун-та. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-braka-germanii-spetsifika-reglamentatsii/viewer>. – Дата доступа: 09.08.2021.

3. Салихов, И. И. Правовое положение супруги по законодательству Российской Федерации и Исламской Республики Иран / И. И. Салихов, Э. Н. Малмир // Ученые записки Казан. ун-та. – 2017. – Т. 159. – Кн. 2. – С. 426–438.

4. Копыткова, Н. В. История правового регулирования имущественных отношений супругов в Беларуси / Н. В. Копыткова // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 4, Правазнаўства. – 2012. – № 2. – С. 49–53.

5. Копыткова, Н. В. Брачно-семейное законодательство Республики Беларусь: проблемы гендерного равенства / Н. В. Копыткова // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 4, Правазнаўства. – 2015. – № 1. – С. 37–44.

6. Вішнеўскі, А. Ф. Прывілей вялікага князя Літоўскага Аляксандра 1492 г. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) [Электронны рэсурс] / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо. – Мінск, 1998. – С. 46–53. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/privilej_alexandra_1492_god.pdf. – Дата доступа: 13.08.2021.

7. Перший (Старий) Статут Великого князівства Литовського [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constituanta.blogspot.com/2012/11/1529.html>. – Дата доступа: 14.08.2021.

8. Статут ВКЛ 1529 года. Первый Литовский Статут 1529 г. [Электронный ресурс] // Белорусская нотариальная палата. – Режим доступа: <https://belnotary.by/o-notariate/istoriya-notariata/statut-vkl-1529-goda/>. – Дата доступа: 16.08.2021.

9. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. – Минск : Беларусь, 2002. – 207 с.

10. Статут Великого княжества Литовского 1566 г. Раздел 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%82_%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BA%D0%BD%D1%8F%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%9B%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_1566_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%B_V_5#%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB%D0%9A%D0%A3%D0%9B%D0%AA_1. – Дата доступа: 14.08.2021.

11. Статут 1566 г. (вытрымкі з выдання: Статут Велікаго князства Літоўскага 1566 г. і поправы статутавыя 1578 г. [Электронны ресурс] // Временник Московского общества истории и древностей российских. – 1855. – Кн. 25. – С. 1–242. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyunaeprava-belarusi/statuty-vyalikaga-knyastvalito-skaga/statut-1566-goda>. – Дата доступа: 14.08.2021.

12. Свод законов Российской империи : в 16 т. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Т. X. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100013&pg=12&contentsname=%CE+%EF%F0%E0%E2%E0%F5+%ED%E0%E8%EC%F3%F9%E5%F1%F2%E2%E0&sort=1>. – Дата доступа: 14.08.2021.

13. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2005. – Т. 2. – 462 с.

14. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – М. : Статут, 2003. – 831 с.

15. Бошко, В. И. Очерки советского семейного права / В. И. Бошко. – Киев : Госполитиздат УССР, 1952. – 372 с.

16. Рабинович, Н. В. Личные и имущественные отношения в советской семье / Н. В. Рабинович. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1952. – 160 с.

17. Советское семейное право : учебник / А. М. Белякова [и др.] ; под ред. В. А. Рясенцева. – М. : Юрид. лит., 1982. – 256 с.

18. Кандыба, Ф. С. Проблемы правового режима имущественных отношений супругов в свете социологических исследований / Ф. С. Кандыба // Общество и право. – 2013. – № 3. – С. 92–95.

19. Ершова, Н. М. Имущественные отношения в семье / Н. М. Ершова. – М. : Наука, 1979. – 160 с.

20. Максимович, Л. Б. Брачный договор в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л. Б. Максимович ; Ин-т государства и права РАН. – М., 2002. – 24 с.

21. Отношение к бракам и разводам: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring>. – Дата доступа: 05.02.2021.

22. Брачные отношения и статистика – данные опроса белорусов [Электронный ресурс] // УП «Агентство «Минск-Новости». – Режим доступа: <https://minsknews.by/brachnyie-otnosheniya-i-statistika-dannyye-oprosa-belorusov/>. – Дата доступа: 05.02.2021.

23. Захаров, С. В. Рождаемость и брачность в России / С. В. Захаров, Е. М. Иванова // Социологические исследования. – 1997. – № 7. – С. 70–80.

24. Чефранова, Е. А. имущественные отношения супругов : науч.-практ. пособие / Е. А. Чефранова. – М. : Эксмо, 2008. – 272 с.

25. Степанова, Ю. С. Ограничения права общей совместной собственности супругов / Ю. С. Степанова // Семейное право и концепция развития семейного законодательства: международные стандарты и российская модель ; под общ. ред. А. Е. Тарасовой. – М. : Инфра-М, 2017. – 482 с.

01.10.2020

T. M. Khaletskaya

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
at the Department of Legal Support of Economic Activity
of the Institute of Managerial Education in Academy
of Public Administration under the President
of the Republic of Belarus

EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF RELATIONSHIP OF SPOUSAL PROPERTY IN THE TERRITORY OF BELARUS

Annotation. In the Belarusian legislation, the regime of community of matrimonial property is enshrined as a general rule. In the science of family law, the discussion about which of the regimes of matrimonial property is optimal, albeit with different intensity, was conducted constantly. At the present stage, interest in this issue has increased and now more and more often one can find a negative assessment of the legislator's choice of the community of matrimonial property as a universal rule. In order to assess the pros or cons of any modern phenomenon, it is important to look at how it appeared, what was the basis of the choice made by the legislator, and what this choice led to. This article is devoted to the analysis of the evolution of the legal regulation of matrimonial property relations on the territory of Belarus.

Key words: marriage, spouses, common joint property of spouses, legal regime.